

к его правам на росчисти, и так как никто не оспаривал этих прав, то переселенцу не было надобности до поры до времени занимать новые земли для образования хуторов. Он продолжал жить в своём дворе и в своём селении до тех пор, пока не бросал своей истощившейся пашни, и заводил хутор (заимку) на свежем месте только тогда, когда не находил земли для новой росчисти близко и когда для образования её необходимо было ему переселиться хотя бы временно на новое место. Таким образом и возникали заимки и выселения в них, но не ранее как через несколько лет после первоначального поселения в стране или местности. Однако такие вторичные переселения были вызываемы не одними экономическими соображениями, а имели иногда целью уход от притеснений религиозных и иных, как это случилось в Алтае при бегстве староверов «за камень», то-есть через горный хребет в бассейн реки Бухтармы.

Посещённые мной в 1856 году поселки Алтая сохранили и до половины XIX века свои первоначальные крупные размеры и не рассыпались на хутора; ещё менее могли рассыпаться крупные посёлки вдоль большого сибирского тракта и в Ишимской степи, где сама природа не допускает, как и на чернозёмном пространстве России, расселения жителей мелкими хуторами на небольших отрубных участках, что, однако, возможно не только во всём полесье Европейской России, начиная от Новгородской Руси и Московской промышленной области до Вятской и Пермской губерний, но также и на крайнем нашем Востоке—за Байкалом и до Японского моря.

Возвращаясь к продолжению своего рассказа. 25 июля, на второй день нашего приезда в Риддерск, мы предприняли с Коптевым восхождение на Ивановский белок. Выехали мы с рассветом в экипаже до того места, где р. Громотуха выходит из своего дикого ущелья в долину, в которой, сливаясь с рекой Тихой, образует Ульбу. Здесь мы пересели на ожидавших нас с проводниками верховых лошадей.

Первый подъём был очень крут. На расстоянии метров приблизительно 250 над долиной, на крутых, безлесных скатах я встретил первые растения чудной альпийской алтайской флоры. То были крупные золотисто-жёлтые цветы альпийского алтайского мака (*Paraver pudicaule*), синие горечавки (*Gentiana proscumbens*) и тёмнопурпуровые цветы камнеломки (*Saxifraga crassifolia*), крупные, круглые листья которой употребляются местными жителями как суррогат чая под названием «копорского» чая.

Когда мы достигли лесистого гребня, подъём наш утратил свою крутизну; зато лес был едва проходим. Срубленные деревья лежали поперёк исчезавшей в густых зарослях тропинки. Даже на полянах травы и кустарники доходили всаднику до пояса, но это были европейские типы растений. При подъёме ещё от 130 до 150 метров исчезла берёза, и лес сделался совершенно хвойным: к ели и сосне присоединились лиственница и сибирский кедр. Там же, где попадались крутые скаты, обнажённые от лесной растительности, они были покрыты альпийскими травами алтайской флоры: то были бледнолиловый водосбор (*Aquilegia glandulosa*), бледножёлтый мытник (*Pedicularis*), яркожёлтый лен (*Linum sibiricum*).